

Fuck man, my
brain is gone...

Денег вряд ли даст, но купить
долю в бизнесе может...
Продай, Вася, ему треть... Сразу
решить свои финансовые
проблемы...

TIMES

INDIA

Wskitee

ГЛАВА 44. Часть первая. В тюрьме.

– Fuck, man, my brain is gone¹, – вдруг громко кричит Виктор, поднимаясь с пола после тридцатиминутного молчаливого смотрения в одну точку на потолке. – Скоро Новый Год, весь мир занят подготовкой к празднику, а у меня развлечение – смотреть, как ящерица на потолке мух ловит. Когда же это закончится? Судя по тому, что экспертиза по наркотикам Прасаду, Васу и Четси пришла через двенадцать месяцев, проводить мне этот Новый Год здесь. И, видимо, до шестнадцатого февраля получить медэкспертизу – шансов никаких нет. Шестнадцатого февраля ровно год будет, как меня арестовали.

– Что-то ты пал духом, Вить, целую неделю уже валяешься, и ничего не делаешь, – тяжело выдыхаю я, опуская свою гантель после очередного жима на бицепсы. Ты бы лучше гантельку потягал бы, как я, глядишь – и хандра прошла бы.

– Что-то, Вась, неохота ничего делать.

– Ты, Витя, из-за Нового Года так переживаешь? Зря, что нам Новый Год, справим его здесь. Посмотри, какая компания собралась, сливки общества, – улыбаюсь я, начав снова тягать свою самодельную гантель.

– Повезло Четси и Васу, Новый Год дома справлять будут. Странная у них история вышла. Привезли из Кашмира килограмм героина, попали в тюрьму, год ждали заключения экспертизы. А экспертиза показала, что это не героин, а мятный порошок.

– Ходят слухи, что это армия подсуетилась, чтобы их отмазать, – крихтя, говорю я, снова опуская на пол связанные шесть бутылок с водой. Васу ведь военный, а Четси – полицейский. Не верю я, что им порошок мятный вместо героина продали. Васу в Кашмире служил, и возил оттуда килограммами, а Четси – через ментов местным драгдилерам реализовывал. Новые люди рвутся к власти и, видимо, хотят взять под контроль этот рынок. Но тот, кто рулит военными поставками наркотиков, волшебным способом превратил героин в мятный порошок.

¹Fuck man, my brain is gone* – Б%я, по моему, я спятил.

– Да какое это имеет значение, если они уже на свободе, а мы с тобой – здесь, – грустно говорит Виктор, снова укладываясь на полу.

– Ты на меня, Вить, не обижайся, но мне приятно, что я не один здесь Новый Год буду справлять.

– Да я, Вась, не обижаюсь, мне даже приятно, что кто-то рад тому, что я в этот Новый Год просто буду рядом. Обычно всем чего-нибудь надо от меня, а тебе, Вась, просто приятно, что я буду рядом.

– Я, Вить, честно говоря, не представляю, как я буду здесь один, без тебя. С кем я общаться буду, кому буду рассказывать свои сны?

– А как я, Вась, пока тебя не арестовали, первые три месяца один, без знания языка, в камере с двадцатью индусами жил? Привыкнешь. Человек такая скотина, ко всему привыкает.

– Пасматры, Виктор, – протягивая нам газету, говорит появившийся вдруг Черчилль. – Про Ашпака в последней газете написали.

– Fuck off, Черчилль! – бросив в него пустую пластиковую бутылку, начинает кричать Виктор. – Сколько раз я тебе говорил, старая обезьяна, что мне неинтересны новости из газеты! Больше мне газеты не показывай, там всё равно новостей хороших не бывает.

– Давай мне, – говорю я, забирая у старого насильника гоанские новости. – «Знаменитый гангстер Ашпак после недельного пребывания в тюрьме Васко переведен в тяжёлом состоянии в больницу Бамболим с ножевыми ранениями после драки, которую он спровоцировал в тюрьме».

– Не жилец Ашпак, – говорю я, возвращая газету Черчиллю. – За неделю пребывания в нашей тюрьме два раза было на него покушение. Опять же, ходят слухи по тюрьме, что полиция заказала его убийство у местных авторитетных заключённых. Говорят, что тот, кто убьёт Ашпака, на следующий день из тюрьмы под залог выйдет. Многим он перешел дорогу здесь, в Гоа. Сколько денег, угрожая, назанимал он у здешних голодранцев. Они ему вчера и отомстили. Ты представляешь, Вить, каким нужно быть отмороженным, чтобы из тюрьмы организовать покушение на своего свидетеля. Его дружочки по банде огромным ножом зарубили свидетеля – среди бела дня – на ступеньках суда, когда он шёл давать показания против Ашпака.

– Ну вот, Вась, и пришла обраточка к нему вчера, – говорит Виктор, доставая из-под подушки свою тетрадку для занятий английским языком. Как только Ашпак в тюрьму заехал, электрик наш, который за убийство сидит, молотком пытался голову ему пробить. Только зашили Ашпаку башку, не прошло и недели, как молодой парень, который чай на раздаче разливает, вчера огромным кухонным ножом три

раза пырнул нашего Ашпака. Живучий он, но от кармы не убежишь, она всегда догоняет.

– Его такая участь во всех тюрьмах Гоа поджидает, – говорю я, раскладывая на связке из бутылок, как на письменном столе, свои тетрадки по английскому языку. – Тоже что ли, Вить, с тобой английским позаниматься, а то мозоли на руках уже натер от своей гири. Время гимнастики закончилось, пришло время английским позаниматься. Ты мою ручку, Вить, не брал? – говорю я, разглядывая, чем пишет Виктор.

– У тебя всё, Вась, по расписанию. Гимнастика, английский, шахматы. На тебе, Вась, твою ручку, передумал я заниматься, пропало настроение. Я могу только по настроению что-нибудь делать. А без настроения я ничего хорошо сделать не смогу. Я вот смотрю на тебя, Вась, и не могу понять, как ты можешь все делать по расписанию? Я лучше поваляюсь, подожду, когда мне захочется чего-нибудь.

– А я, Вить, только так от сумасшествия спасаюсь. И не понимаю я, как ты можешь вот так вот, целую неделю валяться и ничего не делать. Я бы уже давно с ума сошёл.

Лязгнув замком, двери камеры распахиваются, и внутрь торопливо заходят восемь охранников во главе с начальником тюрьмы.

– По-моему, сейчас шмон будет, – снова сотовые телефон искать будут, – говорю я, накрывая свой стол-гантель полотенцем.

Без всяких вопросов охранники начинают проворно вытрясать в центр камеры старые целлофановые пакеты, вырезки из газет. Всё это большой горой начинает скапливаться в центре камеры.

– Чьи это вещи?! – начинает бешено орать начальник тюрьмы, держа в руке найденный сотовый телефон.

– Это мои вещи, но телефон не мой, – пытается оправдываться молодой по имени Шугар.

Размахнувшись во всю руку, главный охранник наносит ему пару звонких и мощных оплеух, от которых пацан сползает вдоль стены.

– Это ещё что такое? Чьё это? – показывает тюремщик на мои связанные бутылки с тряпичной ручкой.

– Моё, – сжав кулаки, говорю я, приготовившись сразу ударить в ответ, если кто-нибудь попытается до меня дотронуться.

– Не положено, – с гадкой ухмылкой произносит начальник тюрьмы своим мерзким тонким голосом.

– Сэр, я использую это как столик, чтобы заниматься английским, пожалуйста, разрешите мне его оставить.

– Унести! – рывкает он, указывая охранникам на мою гантель.

Оттеснив меня, охранники забирают моё единственное удовольствие, мою гантель, которой я спасался от сумасшествия последние семь месяцев. Оставив перевёрнутой всю камеру, довольные добычей охранники уходят проверять соседнюю камеру.

– Видимо, период жёсткой физкультуры у меня закончился. А может, книжку мне начать писать? Как ты думаешь, Вить?

– Попробуй, я в Мапсе тоже начинал писать, но забросил это дело.

Садясь на кучу своих вещей, я беру в руки фотографию своей дочери, которую приклеил к стене напротив своего места.

– Спасибо тебе, Виктор.

– За что, Вася?

– За то, что ты здесь, в тюрьме, мозг мне помог вправить. Раньше мне больно было на фотографии своих девчонок смотреть, а сейчас, когда я реально понял, что такое любовь без владения, без чувства собственности, то стало мне легко на сердце. Вот смотрю я сейчас на свою маленькую принцессу и знаю, что где-то далеко ждёт она меня и любит. Так же как и я её. А если бы не послушал тебя, когда последнее письмо своей Лене писал, то испытывал бы сейчас угрызения совести и обиду – вместо любви. А теперь смотрю на свою малышку, и только приятная тоска на душе у меня. Но, от этой тоски никуда не деться. Это – моя реальность. И сейчас я не могу на неё повлиять. Я точно знаю, что когда-нибудь выйду отсюда и снова увижу своих девчонок. И куда бы я от них не уезжал, я всегда буду испытывать эту тоску... Эх. Один месяц остался до Нового Года.

ГЛАВА 44. Часть вторая. На воле.

– Один месяц остался до Нового Года, а у вас ещё открытия не было. Нормальные рестораторы с октября работают, – говорит моя Лена, заплетая Василинке косички.

– Лена, я не знаю, что мне делать, мне катастрофически не хватает ещё трех тысяч долларов. Без них мне никак не открыть ресторан.

– Василь, я заняла для тебя уже семь тысяч долларов. Больше не у кого занимать. Как же вы так с Серёгой рассчитывали, что бюджет вашего ресторана из десяти тысяч в двадцать вылился? Нам ещё за школу нужно тысячу отдать, а денег больше нет.

– Это Индия, Лен. Здесь всё просчитать невозможно. Зато такого красивого ресторана ни у кого больше нет. Нам бы только открыться. Деньги сразу появятся.

– Папа, а как наш ресторан будет называться? – спрашивает Василинка, вертясь на маленьком стуле.

– СССР, дочь.

– Папа, а что такое СССР?

– А это, малыш, так Россия когда-то называлась раньше.

– Папочка, я так уже хочу посмотреть твой новый ресторан. Когда мы поедем на Палолем? А ещё я хочу посмотреть на маленького ребеночка Серёжи и Лены.

– Не вертись! – рывкает на Василинку Лена. – Сначала косички нужно заплести, а потом всё остальное. Василь, а скажи мне, почему Сергей с Леной не занимают денег? Почему почти весь ресторан построен на наши деньги? Прибыль вы ведь потом пополам делить собираетесь?

– Лен, ну ты же понимаешь, что у них второй ребёнок только что родился. Кучу денег они на роды потратили, ещё бывший партнёр по ресторану на деньги его кинул. За квартиру они ещё за полгода должны. Говорят, что нет у них больше денег. Тяжёлые времена сейчас пошли у всех. Очередной кризис в России опять ударил. Я ужасно нервничаю. Долги растут, а дохода пока не видно. Одно успокаивает, что если все у нас получится, то мне не нужно будет продавать незаконные вещества, – говорю я, косясь на любопытную Василинку. По моим расчетам тысяча шестьдесят долларов можно будет заработать за сезон. Четыреста жирных русских отдыхающих ежедневно будут жить в пятизвездочном «Интерконтинентале» напротив нашего ресторана. Они же за двухнедельные путевки по пять штук баксов платят, и ещё столько же с собой берут, чтобы потратить. А кроме как у нас, там потратить деньги не на что. Не смогут они есть невкусную, переперчённую пищу, приготовленную дикими рыбаками. А у нас – устрицы, крабы, окрошка, щи, салат оливье... Всё, что нужно нормальному русскому.

– Дорогой, попробуй Валере позвонить.

– Точно, принеси-ка мне, дочь, телефон. У Валеры есть куча богатых друзей, может, кто и одолжит. А заодно, и тетрадки школьные захвати, я хочу оценки твои посмотреть. Если Валера не даст денег, то я – банкрот. Не знаю, что дальше и делать.

– Алло, Валера, привет, как дела?

– Хорошо, Вась, как всегда – хорошо. Сидим сейчас на крыше своего дома, чилум курим, жизнь прекрасна.

– Валера, я знаю, что у тебя денег нет, но мне позарез нужен трёшник, может, советом поможешь, где его найти? Я помню, к тебе друзья богатые из Самары приезжали, те, что на Шри-Ланке добычу сапфиров организовали. Уехали они обратно на Шри-Ланку или ещё нет?

– Уехали, Вась, неделю назад. А что тебе, Вась, опять на ресторан не хватает? Когда же ты наконец-то откроешься?

– Да всё, Валер, уже готово, последние штрихи остались. Повара уже для нас еду готовить начали. Осталось лицензию выкупить и алкашкой затариться.

– А не боишься, Вась, что народ к тебе не пойдёт?

– Почему же он должен не пойти, если ему идти больше некуда?

– А ты новости не смотришь что ли? Бомбей весь в огне, некоторые рейсы самолётов отменены.

– Валера, что значит «Бомбей в огне»?

– А то. Опять теракты Аль-Каиды. Причём, в этот раз по-взрослому. Вокзал горит, известнейший ресторан «Леопольд» взорван, пятизвёздочный «Тадж-Махал» тоже горит, больше сотни людей уже погибло, террористы по улицам с автоматами бегают. И это, Вась, по всем всемирным новостным каналам крутят. А ты со своим рестораном не знаешь ничего.

– Даже и не знаю, что сказать тебе, Валер. До Бомбея целых тысяча километров.

– Это для тебя, Вась, целых тысяча километров, а для туристов, которые сюда едут – всего тысяча километров.

– А я ведь, Валер, в «Тадж-Махале» с сумасшедшей Олей однажды жил, и ресторан «Леопольд» – единственное место, где в Бомбее нормально поесть можно было. Неужели, кончилось индийское шанти?

– На самом деле его тут и не было никогда, Вась. Ты же газеты не читаешь, новости не смотришь. В каждом штате, каждый день террористы что-нибудь взрывают. Ты, наверное, не в курсе, что здесь, в Гоа, в Маргао взрыв был?

– Да, Валер, про Гоа я ничего не слышал, надо бы начать газеты читать. Второй раз уже теракты проводятся в тех местах, где мы бывали. Я помню, Валер, тот случай, когда в Дели на Мэйн Базаре возле отеля «Харе Рама» ты вышел из магазинчика, а его взорвали через пять минут. Много трупов тогда было. Задержись ты тогда на пять минут – и не с кем мне было бы сейчас разговаривать. А я ведь честно говоря, мечтал, чтобы кто-нибудь теракты здесь провёл. Три года назад это могло бы спасти Гоа от роста цен и от наплыва не трансных туристов. Но теперь, когда эти неправильные туристы мне самому стали нужны, кто-то на небесах решил отпугнуть их от меня.

– Наши мысли, Вась, они материальны, а время густое, как кисель. Нужно очень осторожно что-либо желать, особенно в таких местах силы, как Гоа, – смеясь в трубку, говорит Валера. – Деньгами я тебе,

Вась, помочь не могу, а вот совет дам. Позвони Пунину, который на Морджиме живет.

– Это тот, который когда-то был продюсером «Коррозии металла»?

– Да, Вась, тот самый. Денег он тебе вряд ли просто так даст, но купить долю в бизнесе сможет. Продай ему треть. Сразу решишь все свои финансовые проблемы. Только будь осторожен, он хитрый, как лис, и вдобавок на «первом» торчит. С ним вечером нужно разговаривать, но не слишком поздно. К ночи он уже ничего не соображает. А с утра – злой, как собака.

– Спасибо, Валера, за совет. Я подумаю, бум булинат.

– И тебе бум булинат, отвечает по-гоански Валера и отключает трубку.

– Папочка, что случилось? Почему ты стал таким серьёзным? У тебя не получается построить ресторан?

– Всё хорошо, моя принцесса.

– Ну, если всё хорошо, тогда посмотри, папочка, какое я сочинение написала по английскому языку, – говорит Василинка, протягивая мне свою тетерадку.

Читая сочинение, я начинаю улыбаться и, под конец, уже смеюсь, забыв на время про мои проблемы.

– Папочка, почему ты смеёшься? Что такого смешного я написала? – надув щёки и поставив руки в боки, обиженно говорит моя маленькая дочка.

– Всё нормально, просто тема сочинения очень интересная у вас: «Мой любимый ресторан». Что-то я, Лен, не помню, чтобы в моём детстве в России такие темы сочинения во втором классе были. Что же за темы будут в восьмом классе? Как я летала на Луну?

– Это, Василь, потому, что школа у неё не простая индусская, а нормальная, европейская, – говорит Лена, снова взявшись заплетать Василинкины косички.

– А я думаю, что такая тема дана потому, что в школе этой учатся дети рестораторов, ди-джеев и драг дилеров. Лена, ты видела какую ошибку смешную Василинка сделала? – вытирая слёзы, выступившие от смеха, говорю я, показывая на тетрадку. «Мой любимый ресторан – непальский ресторан «Айвонс». Там я больше всего люблю риг с чесночным соусом».

– Чего тут смешного, папа? – ещё больше начинает раздувать от обиды щёки моя малышка

– Ничего, Василинка, подрастёшь – поймёшь. Просто в английском языке свинина называется «pork», а «rig» – это живая свинья.